

— Фея Фуяо достигла таких высот в культивации явно не за красивые глаза, она далеко не глупа. Как мы объясним ей появление светильника души, когда встретимся? — с тревогой спросил Чжао Суй.

При упоминании этого Мингуан почему-то воодушевился и заговорил с неожиданным азартом:

— Дело было так. Скоро ведь начнется Великое состязание пяти континентов, верно? В этот раз Центральный континент выступает хозяином, поэтому на Восточном континенте сейчас вовсю идет отбор кандидатов — ну, в формате Войны Священного Грааля. Наш уважаемый предшественник, решив начать культивацию заново, захотел объединить разные Пути. Движимый чувством долга бессмертного почтенного Центрального континента, он снизошел до игр с восточной молодежью и мимоходом завоевал Священный Грааль. Однако восточные мерзавцы, спящие и видящие, как бы извести Центральный континент, как-то пронюхали об этом. Действуя через шпионов, они выкрали светильник души младшего брата Дина, чтобы подставить старшего! К счастью, Бессмертный почтенный Иньмин проявил истинную проницательность, раскрыл заговор и, забыв былые обиды, вернул светильник в Секту Тайцин.

Ван Ба, увлеченно ошипывая дикого фазана, скептически поинтересовался:

— Слушай, я из дома-то вышел всего пару дней назад. Мое внезапное появление на разных площадках еще можно списать на заклинания мгновенного перемещения, но когда бы я успел оформить визу и все эти документы?

Мингуан уверенно ударил себя кулаком в грудь:

— Не переживайте, у меня на Западном континенте есть знакомые священники. Я оформил вас как легионеров-иностранцев и спонсоров от побочной ветви семьи Эмья. Проведем это по статье привлечения внешних инвестиций, так вам еще и Комитет по разработке недр субсидию выделит!

Инь Сянь опешил. Надо же, кто-то умудрился постричь купоны прямо с его ведомства!

Тем временем Ван Ба спросил:

— А как быть с моим Слугой?

— Три Меча Сына Неба — священные артефакты, передающиеся в Бессмертной секте Чжэнъюэ из поколения в поколение. Меч Сдерживаемого Света и вовсе принадлежал основателю нашего учения. Вы призвали душу первого Суверена в классе Сэйбер. Ритуал завершился еще до того, как туда прибыла Чжэн-мэймэй, так что ничего страшного, если сейчас клинок находится у нее...

— Ну и сыновняя почтительность, просто до слез, племянник Сюй. Будь я Сувереном, я бы за

такие фортели тоже выставил тебя за ворота, — искренне восхитился Ван Ба.

Мингуан поспешно сложил ладони в уважительном жесте:

— Простите великодушно, уважаемый предшественник! Я уже отправил официальное письмо Суверену вашей почтенной секты с подробным объяснением всех обстоятельств. У меня к вам важное дело, разве мог я умышленно создавать вам проблемы?

Ван Ба отмахнулся:

— Да ладно тебе, я же шучу, не напрягайся так. Я своих братьев никогда не подозреваю. Кстати, экология в вашей Секте Тайцин — мое почтение! Мясо у местного фазана куда нежнее, чем у диких на воле. Брат Чжао, сходи-ка набери плодов Лазурной Луны и цветов Снежной Сны. Зафаршируем птицу перед жаркой — аромат будет просто нереальный!

Чжао Суй со вздохом залез в свое пространственное кольцо и вытащил нужные ингредиенты. Мингуан, проявив завидную услужливость, тут же развел огонь и с раскаянием запричитал:

— Это я сглупил, не продумал все как надо. Пригласил вас выпить, а о приличной закуске не позаботился. Стыд мне и позор.

Инь Сянь окинул взглядом изящный фарфор и изысканную посуду на столе и презрительно скривился. Этот сопляк живет роскошнее, чем он сам на посту финансового директора! Секта Тайцин чертовски богата. Уж не пытается ли этот пижон тонко поиздеваться над Ван Ба, выставляя его деревенщиной?

Впрочем, у Ван Ба имелась надежная броня в виде ампула простодушного парня, который в упор не замечает чужих намеков.

— Ладно тебе, пирожные у тебя тоже ничего, — ухмыльнулся он. — Медицинские свойства и духовная энергия в них — высший класс. Правда, при моей нынешней слабой культивации они в горло не полезут. Ты мне их потом с собой заверни, я отнесу их... Ха-ха, ладно, проехали.

На самом деле он хотел прихватить угощение для Су Цзи и Гу Пань. Эти сладости превосходили стряпню личных поваров семьи Инь — в них чувствовался изысканный вкус, замешанный на крови и поте миллионов бесправных слуг и подкрепленный вековой историей сытой жизни местных старейшин. Но вернуться в ближайшее время он все равно не мог, а под бдительным надзором Чжао Суя открыто лакомиться деликатесами для культивации было нельзя, так что пришлось со вздохом отказаться от этой затеи.

Мингуан, заметив эту мимолетную тоску на его лице, принял ее за печаль из-за изгнания из секты. Желая сгладить неловкость, он тут же сменил тему:

— Предшественник, ваше мастерство в жарке птицы поистине поражает! Сразу видно — рука набита годами практики. Вкус прямо как в лучших столичных ресторанах с вековой историей!

— Ха-ха, тут ты промахнулся, брат Мингуан, — весело отозвался Ван Ба, переворачивая фазана над углями. — В моих родных краях такая глушь и нищета, что людям есть нечего, откуда там взяться лишней птице на убой? Если и удавалось поймать парочку, их тут же тащили на рынок в город, чтобы выручить хоть какую-то копейку. Когда меня только приняли в секту, тоже сытно не ел: тело было забито шлаками, приходилось ежедневно истязать себя тренировками и давиться пресными пилюлями отказа от пищи. Я всё думал — вот прорвусь в Царство Великого Истока и уж тогда-то закачу пир горой! Но не успел — секта обанкротилась. А ведь я с самого детства мечтал досыта наесться мяса! Благо, на уровне Золотого Ядра поймать фазана голыми руками — плевое дело...

— Пройдя сквозь огонь и воду, обретаешь величие. Сегодня я воочию узрел пример истинной стойкости духа, — уважительно произнес Мингуан, вновь склонив голову.

— Да ладно тебе, какое там величие, не преувеличивай, — смущенно почесал затылок Ван Ба.
— Да и не нужно мне это господство над другими. В наше время каждому живется несладко. Нам бы просто людьми остаться, и то хлеб.

Чжао Суй уставился на него со священным ужасом на лице.

«Надо же, в этой Бессмертной секте Чжэнье учеников буквально морили голодом!»

Инь Сянь тоже сокрушался, но совсем по другому поводу. Твою же мать, этот паяц перешел все границы жалости к себе и скатился в какой-то изощренный мазохизм! Я что, никогда не кормил его деликатесами?! Да я ради него переманил к нам целую команду поваров из Секты Таоте и лучших мастеров из Секты Тайцин! А то, что этот дикарь обожает жрать всякую дрянь у обочины, — сугубо его личные половые трудности! И надо же было вывалить это нытье прямо перед наследником чужой секты! Эту обиду я тебе припомню. Завтра же прикажу Обществу Драконьих Лодок состряпать про тебя разгромную статью в местной прессе.

— В детстве я думал, что жареная птица — это пища небожителей, — продолжал философствовать Ван Ба. — А когда наконец сам стал бессмертным и дорвался до нее, все вокруг начали воротить носы и твердить, будто это удел смертных червей. Ну не бред ли? Что хочу, то и ем. Брат Мингуан, угощайся, пока горячая!

Мингуан с самым благочестивым видом замахал руками:

— О нет, у меня диета. Лишний вес сгоняю.

Ван Ба проникся глубоким уважением:

— Ну ты и эстет, брат Мингуан! Твоей будущей супруге несказанно повезет.

Лицо Мингуана внезапно перекошило. И тут до Ван Ба дошло: парень же прошел процедуру стерилизации... Похоже, личную жизнь ему теперь придется строить исключительно на обаянии и красивом личике. Чтобы замаять неловкость, он тут же переключился на соседа:

— Брат Чжао, а ты как? Брезгуешь стряпней простого люда от своего старшего брата?

«Да кто тебя вообще за язык тянул! — мысленно выругался Инь Сянь.»

Натянув вежливую улыбку, Чжао Суй ответил:

— Ну что вы, брат Ван, к чему эти церемонии? Я ведь сам родом из мира смертных, когда бы мне еще довелось попробовать духовную дичь из угодий Секты Тайцин? Если старший Мингуан не против, я бы с удовольствием разделил с вами эту трапезу.

Мингуан великодушно рассмеялся:

— Да брось, мы ведь оба названные братья нашего многоуважаемого предшественника! К чему условности? Раз уж ты первым делом бросился ему на выручку и обеспечил всем необходимым, то отныне ты мой друг. Я, Суй Мингуан, слов на ветер не бросаю!

Чжао Суй понимающе приподнял чарку и принял сочный окорочок. Инь Сянь мысленно хмыкнул, но послушно принялся медленно пережевывать постное мясо дикого фазана, управляя телом своего марионеточного слуги.

«... Да ты просто искал повод надраться, старый пропойца. И хоть бы подумал о крепости своей многострадальной плоти, которую с таким трудом закалял».

Впервые он попробовал эту стряпню вскоре после того, как Бессмертная секта Чжэнье была стерта с лица земли. Тогда их уцелевшая четверка — учитель и трое учеников — полгода скиталась по миру, пока наконец не вернулась на родные руины. Су Цзи от беспросветного горя пила горькую с утра до вечера, Гу Пань превратилась в ледяную глыбу и сутками напролет истязала себя тренировками с мечом, а искалеченный после тяжелого искажения Ци Ван Ба не вылезал из медитаций, отчаянно пытаясь восстановить утраченную культивацию. Сам же он бесцельно бродил среди опустевших пиков, устанавливая надгробия погибшим собратьям, чьи тела так и не удалось отыскать, и прогоняя забредавших на пепелище мародеров.

В один из вечеров, когда тоска по родителям стала невыносимой, он спустился к подножию горы и дал волю слезам. Ван Ба каким-то образом выследил его. Старший брат строго спросил, зачем тот ушел из лагеря один, ведь вокруг рыщет полно охотников за Тремя Мечами Сына Неба, и это смертельно опасно. В ответ он лишь разрыдался, сквозь всхлипы повторяя, что все

это несправедливо. Ван Ба растерялся и мягко возразил: мол, что плохого в том, чтобы тосковать по родным? Скучай сколько угодно, а обидчикам твоим я лично шею сверну.

Инь Сянь тогда, захлебываясь слезами, выкрикнул: «У нашего мастера родители — бессердечные твари, бросившие ее на произвол судьбы! У старшей сестры близкие спали и видели, как бы сжить ее со свету! У тебя самого отродясь никого не было! А мои мама и папа любили меня! Я безумно по ним скучаю!» Его слова звучали путано и хаотично, но Ван Ба лишь тепло улыбнулся в ответ: «Надо же, младший. Я всегда полагал, что балованные отпрыски богатеев — бездушные эгоисты, а у тебя, оказывается, доброе сердце».

Инь Сянь злобно зыркнул на него, но старший брат просто притянул его к себе, крепко обняв за плечи и уткнув лицом в свое плечо. «У меня тоже есть семья, — тихо проговорил тогда Ван Ба. — Наставник заменил мне отца, а значит, и матушка у нас одна на всех. И раз уж ты мой младший брат, твои родители — это и наши с сестрой родители тоже. Мы никогда не забудем, как они присылали сестре редкие камни дляковки защитного меча, как выделили мне комнату в своем поместье, чтобы я чувствовал себя как дома, как баловали нас любимыми лакомствами. Мы все это помним».

К концу этих слов голос Ван Ба заметно дрогнул. Шестнадцатилетний Инь Сянь так и проплакал, уткнувшись в его грубое плечо. И как бы сильно они ни ссорились в последующие годы, Ван Ба ни разу не припомнил ему те детские слезы и не упрекнул в слабости.

Бесчисленные надгробия на склонах гор безмолвно созерцали эту сцену. Ушедшие души знали, что память о них жива. Они знали, что час возмездия настанет, и верили, что однажды, переродившись в колесе сансары, они вновь поднимутся на эти вершины. Они знали, что эти древние пики навечно останутся их пристанищем.

«Мастер велела мне зажарить фазана к вину, — сказал тогда Ван Ба, утирая слезы. — У меня как раз остался один лишний. Младший, давай притащим кувшин и тоже выпьем?» На что Инь Сянь угрюмо буркнул, что алкоголь — лишь жалкая попытка сбежать от реальности.

«Пусть так, но только на эту ночь. Только сейчас, — мягко возразил Ван Ба. — У них не осталось даже праха. Мы станем их живыми памятниками, сохраним память о них. А когда сочтемся со всеми долгами, устроим пир на трое суток, чтобы их души на небесах наконец обрели покой».

Будучи изнеженным барчуком, привыкшим к роскоши, Инь Сянь ухитрился раздобыть кувшин превосходного коллекционного вина даже в самые темные для Бессмертной секты Чжэнъе времена. Втайне от Су Цзи они с Ван Ба осушили его до дна. После той ночи Инь Сянь практически не притрагивался к спиртному. А вот Ван Ба взял за привычку отмечать любое радостное событие парой чарок — и ладно бы хорошего алкоголя, он не брезговал даже мутной кислой сивухой, которую варили простые крестьяне.

— Брат Чжао? Эй, брат Чжао!

Инь Сянь вынырнул из воспоминаний и поспешно изобразил на лице глубокое благоговение:

— Мастерство старшего брата Ван воистину непостижимо! Даже шеф-повара из Секты Таоте блекнут на вашем фоне! В этой, казалось бы, простой птице сокрыта столь глубокая житейская мудрость и понимание законов Вселенной, что я... кажется, я только что поймал волну просветления!

Чтобы придать своим словам весу, он слегка высвободил собственную духовную энергию через тело марионетки. Аура Чжао Суя мгновенно переменялась, совершив резкий скачок сквозь барьер культивации прямо к полушагу от Зарождающейся Души!

Ван Ба и Мингуан синхронно вытаращили глаза и шумно выдохнули. Этот парень весь вечер сидел со стеклянным взглядом, явно замышляя какую-то пакость, а в итоге взял и перешагнул на новый уровень... Вот же жук!

Инь Сяню было глубоко плевать на подозрения. Чжао Суй изначально был лишь разменной монетой в руках Секты Линвэнь и ее теневых кураторов, подосланной для прощупывания Ван Ба. Пешка все равно долго не протянет, так с какой стати ее экономить? Эффектное появление на публике с красивым прорывом в культивации — чистый профит!

У Ван Ба возникло стойкое ощущение, будто его обвели вокруг пальца самым наглым образом. Он провел ладонью по лицу и поднялся:

— Ладно, поели — и будет. Пора заняться делом.

Мингуан вздрогнул от неожиданности:

— А? Уже? Вот так сразу? Прямо здесь?

Ван Ба сурово нахмурился:

— Ты же сам утверждал, что на кону стоят не просто чужие жизни, но и репутация твоей великой секты, да и вообще атмосфера на всем Центральном континенте! Я уделил время передышке лишь из-за истощения сил. А ты теперь на попятную пошел? Или ты решил просто потешаться надо мной?

— Ну что вы, нет-нет! Я исключительно из заботы о вашем здоровье! — Мингуан замахал руками и с пафосом добавил: — Но раз уж вы настаиваете, не стану больше препираться. В крайнем случае разделим с вами участь мучеников — хоть добрую память о себе оставим! На мечи! Летим напрямиком на Пик Созерцания Моря к шишу Вэню.

«Какого хера я должен с тобой помирать в один день!» — мысленно выругался Ван Ба, однако с самым героическим видом увлек за собой Чжао Суя на парящий клинок.

Пик Созерцания Моря

Сделав почетный круг над угодьями величайшей обители Центрального континента, троица неторопливо спланировала на Пик Созерцания Моря, принадлежащий Вэнь Цанхаю. Ван Ба мысленно поморщился от названия: оно казалось ему зловещим намеком на скорые поминки этого старого хрыча. Впрочем, виды в Секте Тайцин действительно завораживали. Пролетая над горами, Ван Ба даже сделал себе пару ментальных зарубок, отметив места с аномально высокой и подозрительно низкой концентрацией духовной энергии — отличные ориентиры для будущих грабительских рейдов.

Стоило им ступить на землю пика, как издалека донесся громогласный, проникающий в самые глубины сознания возглас:

— О, наш Мингуан пожаловал!

Суверен Сюй Пинчэнь действительно души не чаял в своем единственном наследнике, что было очевидно по его фамильярному тону. В Секте Тайцин Мингуан пользовался огромной популярностью. Младшие братья, сестры и даже племянники по ордену любя звали его просто братом Гуаном. В отличие от спесивого руководства, вечно вымогающего взятки и смотрящего на всех свысока, к нему всегда можно было обратиться с любой просьбой. Сюй Пинчэнь охотно поддерживал эту неформальную атмосферу и частенько подшучивал над сыном. Обсуждая семейные дела с супругой, он нередко выдавал что-то вроде: «А у нашего Мингуана-то культивация опять подросла, каков шельмец!»

Мингуан принимал такое отношение как должное и, несмотря на солидный возраст, не стеснялся капризничать при родителях. Однако сейчас он смущенно нахмурился и повернулся к Ван Ба:

— Уважаемый предшественник, прошу прощения... Я думал, отец с шишу Вэнем ушли на охоту за нарушителями. Может, зайдем в другой раз?

— Да чего ты дрейфишь? Я и то не боюсь, — усмехнулся Ван Ба. — Бессмертный почтенный Угоу — глава Секты Тайцин. Стал бы он пачкать руки о мелкую сошку вроде меня, едва достигшего Царства Великого Начала? Если я внезапно протяну ноги в ваших владениях, уже к утру весь мир будет трубить о том, что Тайцин устроила мне ловушку. Даже если у Вэнь Цанхая хватит наглости напасть на меня, Суверен Сюй меня прикроет!

Не успел Мингуан открыть рот, как до них донесся бодрый старческий смех Сюй Пинчэня:

— Даос Ван почтил нас своим визитом! Прошу простить старика, что не встретил у ворот как подобает!

Стиль появления у отца и сына явно совпадал. Одетый в белоснежные одежды старец с лицом юноши и серебряными волосами грациозно опустился перед ними, сжимая в руке даосскую кисть-флагеллум. Без лишних церемоний он шагнул вперед, намереваясь заключить Ван Ба в дружеские объятия. Тот охотно ответил на приветствие, фамильярно похлопав главу ордена по спине, и сразу перешел к сути:

— Ну что, Суверен Сюй, как планируете топить Вэнь Цанхая?

Мингуан и Чжао Суй ошарашенно переглянулись, а Сюй Пинчэнь лишь добродушно рассмеялся:

— Ну что вы, Бессмертный почтенный Иньмин, Секта Тайцин никогда бы не опустилась до расправ из-за какого-то пустяка. Мой оболтус слишком молод и горяч, ему вечно кажется, будто весь мир погряз во тьме, и лишь он один несет свет. Ха-ха! Не беспокойтесь, я уже вразумил младшего брата Вэня, и всех пленников благополучно отпустили. Идемте же в дом, выпьем чаю и все спокойно обсудим.

«Инициатива имеет инициатора. Тебя ведь открытым текстом на место поставили, придурок, — язвительно подумал Инь Сянь.»

Притворяясь неуклюжим, он картинно споткнулся и задел локтем изящную хрустальную вазу на подставке, с грохотом разбив ее. Сюй Пинчэнь мельком глянул на провинившегося слугу, но не стал тратить время на подозрительного оборванца, прибившегося к Ван Ба. Вместо этого он дружески увлек своего новоиспеченного приятеля в чайную беседку.

Ван Ба, отличавшийся выдающимся аппетитом и способностью переваривать гвозди, с удовольствием согласился запить плотный обед хорошим чаем. Пока они шли, он со знанием дела выдал пару советов по благоустройству прихрамовых поселений, которые Сюй Пинчэнь выслушал с вежливым интересом. Мингуан, сперва уязвленный отцовским выговором, быстро пришел в себя, узнав, что конфликт исчерпан. Он помог подняться отставшему Чжао Сую и дружелюбно шепнул:

— Брат Чжао, не переживай ты так. Гость в доме — хозяину радость. Наша Секта Тайцин никогда не опускается до притеснения слабых!

Однако стоило Сюй Пинчэню открыть резной шкаф из реликтового дерева тысячелетнего духа в поисках лучшего сорта чая, как с заднего двора донесся яростный крик:

— Деньги уплачены, товар получен! Куда это ты намылился?! А ну отдавай свой первородный источник, иначе вся твоя семья горькими слезами умоется!

— Вы обещали лишь мягкое очищение меридианов родственной энергией, а не полное их разрушение ради извлечения источника! Если я стану калекой, кто защитит моих близких?!

— Цянькунь, послушай дядю. Суверен сейчас здесь, держи себя в руках. Вот уедет Лао Сюй через пару дней с инспекцией в Тайное царство Звезд и Луны, тогда мы и...

—... И что тогда?! Очередной налет на мирные кланы с вырезанием всех под корень, чтобы набрать живого материала для Камня, латающего небо? Мастер Дин и Бессмертный почтенный Таомин, ну и замашки у вас! Истинное величие великой секты, ничего не скажешь!

Лицо Сюй Пинчэня мгновенно потемнело от гнева. Опередив готового вставить веское слово Ван Ба, он разразился площадной бранью в адрес крикунов. При этом Суверен бросил быстрый, ледяной взор на Чжао Суя. Теперь он ни на секунду не сомневался: нелепое падение этого паренька, повлекшее за собой разрушение барьера скрытой темницы, не было случайностью.

Вся компания поспешила к злополучной пристройке. Застигнутый на месте преступления Вэнь Цанхай так и кипел от злости, переводя испепеляющий взор с Сюй Пинчэня на Ван Ба. Дин Цянькунь, всегда строивший из себя утонченного и благообразного праведника, теперь отбросил всякое приличие. Он вцепился мертвой хваткой в какого-то симпатичного юношу на стадии Золотого Ядра, устраивая бурную сцену со слезами и упреками. Со стороны это выглядело так, словно несчастный молодой культиватор нашел себе партию побогаче и бросил своего благоверного.

Заметив вошедшего Ван Ба, Вэнь Цанхай злорадно прищурился:

— Ах вот оно что! Теперь мне все предельно ясно. Я проявил к тебе великодушие, а ты решил пойти до конца и растоптать нас? Какая поразительная жестокость, Бессмертный почтенный Иньмин!

Ван Ба лишь удивленно изогнул бровь:

— С больной головы на здоровую перекладываешь? Сам облажался, а виноват у тебя я?

— Шишу Вэнь, остановитесь, пока не поздно!

На лице Мингуана отразилась целая гамма эмоций, уступив место выражению величайшего самопожертвования. Он решительным жестом распахнул ворот своих одежд и пафосно прокричал:

— Отпустите племянника Тана! Такие талантливые юноши, как он, — надежда и будущее нашей Секты Тайцин! Заберите мой первородный источник! Я и так калека, толку от меня никакого, но если это спасет младшего брата Дина, я готов пойти на плаху!

Вэнь Цанхай от такой наглости буквально лишился дара речи. Но не успел он издать ни звука, как Сюй Пинчэнь в ужасе выкрикнул:

— Нет! Мингуан, тебе нельзя отдавать источник!

Стоявшая неподалеку Фея Фуяо, которую до этого всю отчитывал бывший супруг — мол, «Фуяо, ты еще слишком молода, мы избаловали Цянькуня, но тебе не пристало потакать безумствам своего брата», — при этих словах заметно побледнела и занервничала. Вэнь Цанхай перевел ошеломленный взгляд с Сюй Пинчэня на Фею Фуяо, затем обратно, и на его лице отразилось дикое прозрение.

— Вы... вы двое?! — выдохнул он, едва дыша от шока.

Ван Ба и Чжао Суй синхронно охнули, сообразив, к чему клонится дело. Практика стимуляции регенерации за счет чужого источника во многом походила на методы двойной культивации: чем ближе кровное родство, тем слабее эффект и выше риск заработать неизлечимое искажение разума. Родственной стихией Фуяо был ветер. Стало понятно, почему кража Сяо Ба одного-единственного цветка Бессмертного Возвращающегося Ветра довела Сюй Пинчэня до белого каления и заставила объявить вора в розыск. Эта травка, черт побери, наверняка была их тайным залогом любви...

<http://bllate.org/book/19845/1986236>